

Александр
Прасол

От Эдо до Токио и обратно

Культура, быт
и нравы Японии
эпохи Токугава

издательство **астрель**

УДК 94(520)"1603/1867"

ББК 63,3(5Япо)

П70

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

Издание осуществлено при техническом содействии Издательства АСТ

Прасол, Александр

П70 От Эдо до Токио и обратно: культура, быт и нравы Японии эпохи Токугава /
АЛЕКСАНДР ПРАСОЛ. — Москва: Астрель : CORPUS, 2012. — 528 с.

ISBN 978-5-271-43462-4 (ООО "Издательство Астрель")

Период Токугава (1603–1867 гг.) во многом определил стремительный экономический взлет Японии и нынешний ее триумф, своеобразие культуры и представлений ее жителей, так удивлявшее и удивляющее иностранцев.

О том интереснейшем времени рассказывает ученый, проживший более двадцати лет в Японии и посвятивший более сорока лет изучению ее истории, культуры и языка; автор нескольких книг, в том числе: "Япония: лики времени" (шорт-лист премии "Прометей", 2010 г.)

Для широкого круга читателей.

УДК 94(520)"1603/1867"

ББК 63,3(5Япо)

ISBN 978-5-271-43462-4 (ООО "Издательство Астрель")

- © Александр Прасол, 2012
- © А. Бондаренко, оформление, 2012
- © ООО "Издательство Астрель", 2012
Издательство CORPUS

Содержание

Предисловие 11

Глава 1 Люди и стихия

Население 15

Продолжительность жизни 25

Стихийные бедствия 31

Пожары 41

Поджигатели 56

Глава 2 Коммунальная жизнь

Квартирный вопрос в столице 71

Распорядок дня, питание, гигиена 80

Сервис и торговля 92

Все — в дело 102

Глава 3 Отдых и развлечения

Путешествия и паломничества 111

Вечерняя жизнь 134

Этоки — предки комиксов 144

Живность в доме 149

Театр и ритуал	155
Гора Фудзи и принцип виртуальной выгоды.	162
Глава 4 Любовь и семья	
Брак как социальный контракт	171
Игры в любовь	184
Измены	195
Глава 5 Правила для всех	
Начало регламентации	207
Жизнь по уставам.	213
Самурайские правила	228
Другая походка.	241
Теория и практика кровной мести.	247
Глава 6 Сословные реалии	
Сословия, прослойки и внесистемный элемент.	255
Купеческое счастье	269
Коррупция.	279
Глава 7 Воинская служба	
Безработный самурай — вооружен и очень опасен . .	295
Заботы удельных князей.	305
Жизнь в движении.	314
Глава 8 Столица	
Город приезжих	331
Транспорт и почта.	345
Ростки светлого будущего	359
Глава 9 Криминальная жизнь и ее герои	
Силы правопорядка.	373

Дознание	389
Система наказаний	395
Главная тюрьма	411
Казни и палачи	419

Глава 10 Повседневная жизнь сёгунов

Отец-основатель	425
Ближайшее окружение сёгунов	431
Распорядок дня	434
Жены и наложницы	447

Глава 11 Женщины в замке

Большой внутренний покой	459
Организация жизни	462
Карьера и доходы	474
Распорядок дня	482
Развлечения	490
Прощальный ритуал	501

<i>Послесловие</i>	<i>513</i>
<i>Указатель японских слов и выражений</i>	<i>515</i>
<i>Цитируемая литература</i>	<i>521</i>
<i>Источники иллюстраций</i>	<i>525</i>

Моей жене посвящается

Предисловие

Сёгуны из клана Токугава правили Японией с 1603 по 1867 год. То был вчерашний день нынешней Японии — той Страны восходящего солнца, которую знаем мы. За два с половиной столетия правления Токугава сложились бытовые привычки японцев, их представления, стереотипы, удивляющие многих за пределами Японии. С этой точки зрения эпоха Токугава представляет первостепенный интерес.

Ее отличают две особенности. Во-первых, это был последний этап семисотлетнего воинского правления. Воины-самураи, которые в предыдущие четыре столетия недрогнувшей рукой убивали не только противников, но в критическую минуту и самих себя, занялись сугубо гражданским делом — обустройством своей страны. Что из этого вышло, выяснилось в середине XIX века, когда Япония открылась внешнему миру.

Закрытость страны в годы правления сёгунов Токугава представляет собой вторую особенность той эпохи. Сведя к минимуму внешнее влияние, воины-управленцы утвердили в японском обществе идеологию и порядок, которые считали правильными. Формально воинское правление завершилось в 1868 году восстановлением императорской вла-

сти, но ставшие новыми графами и князьями потомственные самураи еще долго оставались ведущей силой японского общества и определяли пути его развития.

Как говорили древние китайцы, “постигая прошлое, лучше понимаешь настоящее”. Это изречение вошло в японскую культуру и стало маленькой частью большой народной мудрости. Токугавская жизнь японцев во многом определяет то, как они живут сегодня. Эта книга написана для тех, кто интересуется этой жизнью — жизнью вчерашней и сегодняшней Японии.

В тексте японские слова, не имеющие точных переводных эквивалентов (кроме имен собственных), выделены курсивом. Долгота звуков в русской транскрипции не отражается. Собственные имена и географические названия записываются без родовых классификаторов (*яма* “гора”, *кава* “река”, *дзи* “буддийский храм” и так далее), кроме случаев, когда слово-классификатор стало частью общеупотребительного названия (например, Фудзияма). Привычность русскоязычного словоизменения имеет приоритет перед строгостью транслитерации и при склонении имен собственных (например, мужское имя Токубэй склоняется, а женское имя Сада но ката — нет, хотя имеет стандартное окончание существительных женского рода). Фамилии в тексте, согласно японской традиции, стоят перед именами (например, Токугава Иэясу).

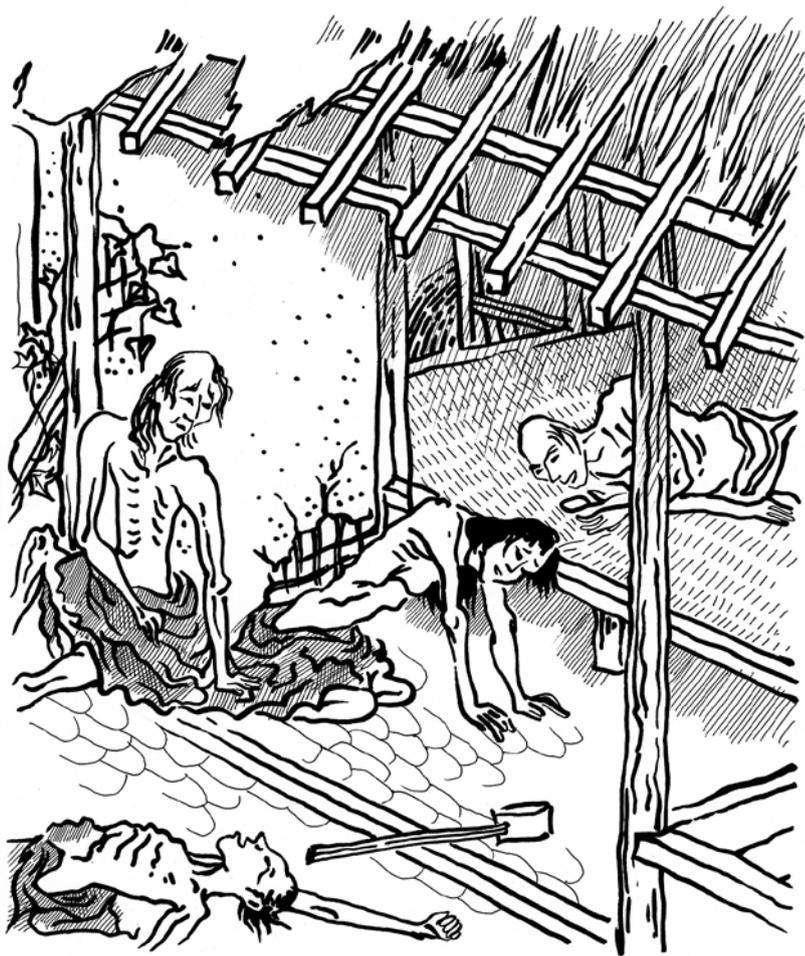
Глава 1

Люди и стихия

Население

Каким было население Японии в начале эпохи Токугава — самом начале XVII века, — мы точно не знаем, поскольку переписи в то время еще не проводились. Впрочем, косвенные расчеты показывают, что оно составляло 10–20 миллионов человек; большинство историков склоняется к 15–16 миллионам. Через несколько десятилетий появились более точные данные. На волне борьбы с “христианской угрозой” сёгунат поручил храмам переписать население, чтобы установить число обращенных в заморскую веру. Первая перепись с религиозным уклоном (*сюмон арамамэтё*), очень неполная, была проведена в 1630 году. С 1664 года переписи стали регулярными. Сегодня их результаты служат единственным, хотя и не вполне точным, источником демографических сведений о той эпохе. До XIX века считалось, что “такое исчисление сделать весьма трудно или невозможно, потому что многие миллионы бедных людей не имеют постоянного местопребывания... а живут на открытом воздухе, по улицам, в полях и в лесах” [Головнин, 1816].

В 1721 году возникла новая потребность. Восьмой сёгун Токугава Ёсимунэ (1684-1751) распорядился провести инвентаризацию посевных площадей и переписать трудоспособное население. Самураи — наследственно-профессиональные управленцы — к трудовым ресурсам не относились, поэтому их переписывать не стали, ограничившись тремя низшими сословиями. Переписи проводили на местах

Голод. Прямым следствием ограниченности пищевых ресурсов в древности и в Средние века был обычай “прореживания” (мабики) часто рождавшихся детей

чиновники удельных княжеств, а затем пересылали данные в столицу, где сводили цифры. Общих правил переписи не было. Например, совершеннолетними в разных провинциях считались люди разного возраста, поэтому часть не-

совершеннолетних и беглые крестьяне в отчеты не попали. Всего получилось 26 миллионов 65 тысяч 425 человек. Японские историки полагают, что вместе с самураями и другими неучтенными душами население в 1721 году составляло около 30 миллионов человек.

В дальнейшем переписи стали регулярными и проводились каждые шесть лет (всего за годы правления Токугава их было девятнадцать). Эти данные позволяют судить об изменениях демографической картины эпохи Токугава. Последняя при сёгунате перепись 1846 года зафиксировала цифру 26 миллионов 907 тысяч 600 человек [Судзуки, 1996].

Таким образом, за 125 лет (1721-1846) население страны выросло незначительно — чуть более чем на 3 %. Почему? Причин тому несколько. Главная — объем собираемого на полях натурального продукта не способствовал приросту населения. К второстепенным можно отнести стихийные бедствия, неурожаи и голод, увеличение городского населения и демографический дисбаланс.

В эпоху Токугава Япония пережила три периода массового голода — Кёхо, Тэммэй и Тэмпо (названы по девизам соответствующих годов императорского правления). В 1603–1732 годах население страны медленно, но неуклонно росло и достигло почти 27 миллионов человек (без учета воинского сословия). Голод годов Кёхо и его последствия к 1750 году уменьшили количество японцев на 850 тысяч. Народонаселение оставалось по численности примерно одинаковым следующие тридцать лет, пока не случился Великий голод годов Тэммэй (1783-1787), сокративший население архипелага более чем на миллион человек. После этого вплоть до 1830-х годов все было более или менее благополучно: люди создавали семьи, рожали и растили детей. Население страны снова достигло 27 миллионов. Затем последовали неурожаи 1833–1836 годов (Великий голод Тэмпо), сократившие население на миллион человек.

Чрезмерное многолюдство Японского государства часто заставляет бедных людей умерщвлять своих детей в самом младенчестве. Законы строго запрещают такое убийство, но правительство не слишком ввязывается в розыски... и так преступления сего рода всегда родителям без дальних хлопот сходят с рук” [Головнин, 1816].

В течение веков убийство новорожденных было наиболее доступным средством планирования семьи в бедных сельских районах. Иногда его называли словом *когаэси* (букв. возврат ребенка); новорожденного как бы не убивали, а “возвращали” в мир богов, откуда он пришел. “Возвращали” в основном девочек. Несмотря на то что “прореживание” считалось довольно распространенной практикой, достоверных сведений о нем не осталось. Слухов много, но все они сводятся к устным пересказам отдельных случаев. Согласно этим пересказам, младенцев чаще всего душили платком. В отдаленном северо-восточном регионе Тохоку есть немало глухих балок, оврагов и болот, названия которых указывают на существование этого обычая.

С убийством новорожденных начали более или менее серьезно бороться в XVIII веке — отчасти из-за того, что рост населения остановился по причине общего похолодания климата, неурожая, роста смертности и падения рождаемости. В книге того времени *Сисон хандзё тэбикигуса* (“Наставление о богатом потомстве”) говорилось, что собственных детей убивать нехорошо. Таких книг издавалось много, но эта была самой популярной. “У женщины, убивающей младенца, от рождения доброе лицо, но душа страшнее дьявола, потому что даже дикие звери заботятся о своем потомстве”, — писал ее автор. Издание таких книг и официальные меры по искоренению обычая *мабики* являются косвенным свидетельством того, что проблема действительно существовала. Сохрани-

лись также указы удельных князей о запрете “прореживания” и абортот. Самый ранний запрет подобного рода появился в княжестве Сацума (префектура Кагосима) уже в начале XVII века, но основная часть сохранившихся указов относится к концу XVII — началу XVIII века. Эти указы можно считать началом политики поддержки семьи, вызванной неблагоприятными демографическими условиями.

Помимо инфантицида, власти также запрещали отцам семейств отказываться от детей, что в то время было обычным делом. А для повышения действенности распоряжений в начале XVIII века городские и сельские управы начали регистрировать случаи беременности и следить за тем, чем они заканчиваются. В некоторых провинциях после рождения ребенка семьям даже выдавали небольшие пособия — где рисом, где деньгами.

Наряду с убийством новорожденных в японском фольклоре часто упоминается обычай *убасутэ* — вынос престарелых членов семьи в лес или в горы на голодную/холодную смерть. Цель та же — избавление семьи от лишних ртов. И здесь ситуация похожая: об обычае все слышали, все знают, что он вроде бы существовал, но документальных подтверждений не осталось. О нем упоминается в “Сказании о Ямато” (*Ямато моногатари*, X век), “Новых и старинных сказаниях” (*Кондзюку моногатарисю*, XII век), многих других литературных памятниках. В префектуре Нагано есть гора Убасутэяма, что вроде бы прямо указывает на существование в этой местности такого обычая. Скептики, однако, возражают: во-первых, это не единственное и даже не общепринятое название горы. Во-вторых, в употребление оно вошло недавно — в конце XIX века. В-третьих, о таком обычае говорится и в древних буддийских легендах, пришедших в Японию из Индии вместе с буддийским учением. Вдобавок ко всему уже в первом японском административном

Убасутэ

кодексе VII века для подданных моложе 20 и старше 60 лет были установлены большие налоговые льготы, так что причин для существования жестокого обычая не было.

К тому же конфуцианское отношение к старости утвердилось в Японии давно, и в городах уже в раннем средневековье за убийство родителей карали более жестоко, чем за убийство кого бы то ни было другого. Поэтому если обычай *убасутэ* и существовал, то в совсем уж бедных и отдаленных горных селениях. Возможно, именно экзотичность и несоответствие официальной конфуцианской морали придали ему фольклорную известность, обеспечив передаваемость из одного литературного памятника в другой. Сцена из показанного у нас еще во времена СССР на кинофестивале японского фильма «Легенда о Нараяме», где крестьянский сын относит на спине престарелую мать в горы умирать, стала одной из самых запоминающихся. После этого о японском обычае стало известно и у нас в стране.

Во времена Токугава существовали и менее радикальные методы регулирования численности семьи. Чаще всего второму, третьему и последующим сыновьям просто запрещали жениться. Есть старший сын, наследник отцовского дела — ему от имени братьев и полагалось быть семьянином.

Сегодня трудно сказать, сильно ли повлиял на это обычай убивать новорожденных девочек, но женщин в токугавской Японии хронически не хватало. Это достоверный факт, зафиксированный в переписях. В 1721 году на 14,4 миллиона мужчин в Японии приходилось 12,5 миллиона женщин. Обществу недоставало 2 миллионов 100 тысяч жен и матерей, то есть почти 15 %. А если прибавить не учитываемых в переписях самураев и беглых крестьян (тоже мужчин!), то реальный дисбаланс получается еще большим. По мере увеличения производства продовольствия разрыв постепенно сокращался, но окончательно преодолеть его сёгунам Токугава не удалось: в 1840 году при той же численности населения в Японии не хватало от 900 тысяч до 1 миллиона женщин [Кито, 2010]*.

Хроническая нехватка женского населения отчасти объясняет, почему в “веселых кварталах” вроде столичного Ёсивара тысячи тамошних обитательниц неизменно пользовались популярностью у десятков тысяч жаждущих их общества мужчин. Правда, следует учитывать важный фактор: почти постоянную разлуку служилых самураев со своими семьями. Военная служба того времени была связана с бесконечными переездами вслед за своим начальником. Да и крестьяне-ремесленники во множестве приезжали на заработки в города, увеличивая армию временно свободных представителей сильного пола.

* С учетом не включенных в перепись групп населения.

Особенно резкий дисбаланс между мужским и женским населением сложился в Эдо. Во-первых, сюда ежегодно из всех провинций устремлялись удельные князья со свитой. По приблизительным подсчетам, по делам службы в столице постоянно находились 20–30 тысяч самураев. Во-вторых, время от времени *бакуфу** объявляло трудовую мобилизацию. Текущий ремонт огромного замка Эдо или его восстановление после пожаров требовали множества рабочих рук. И ландшафтные работы в столице шли интенсивнее, чем где бы то ни было.

Во время первой переписи 1721 года горожан-простолюдинов насчитывалось полмиллиона: 320 тысяч мужчин и 180 тысяч женщин — то есть на каждые 100 женщин приходилось 178 мужчин. Есть все основания полагать, что до 1721 года дисбаланс был еще заметнее: в XVII веке население увеличивалось преимущественно за счет мужчин. В 1832 году на 100 женщин приходилось 120 мужчин. Любопытное совпадение: число женщин в Эдо (сегодняшний Токио) впервые превысило число мужчин в 1867 году, и именно в тот год воинское сословие лишилось власти.

Рост женского населения Эдо в XVIII–XIX вв.

Год	Женщины, %	Год	Женщины, %
1721	35,52	1832	45,47
1746	39,82	1860	49,24
1798	42,50	1867	50,82

Источник: Оиси Синдзабуро. Эдо дзидай = Эпоха Эдо. Тюо синсё, 1993. С. 123.

* *Бакуфу* (яп., буквально — полевая ставка) — правительство трех династий военно-феодалных правителей Японии (сёгунов): Минамото, Асикага и Токугава с конца XII века по 1867 год.

В XVII веке быстро росли города, и это также меняло демографическую картину. Если в 1600 году все городское население страны насчитывало около 550 тысяч человек, то в 1700 — уже 3 миллиона 220 тысяч, а в 1800 — 3 миллиона 970 тысяч. Таким образом, в городах проживало 12–13 % населения Японии, общая численность которого оставалась практически неизменной [Кито, 2010]. Среди крупнейших городов страны на четвертую и пятую позиции после Эдо, Киото и Осаки вышли Нагоя и Канадзава (население более 100 тысяч человек).

Крупные города притягивали крестьян, одновременно сокращая им жизнь и снижая уровень рождаемости в стране. В города на заработки ехали в основном мужчины, чаще молодые и одинокие. Устраивались с трудом, жили бедно, часто переезжали. В брак если и вступали, то поздно, да и состояли в нем недолго — большинство городских браков были бездетными и быстро распадались. Известный сочинитель *хайку* Кобаяси Исса (1763–1827) приехал в Эдо еще мальчиком. Он прожил в городе много лет, прежде чем вернулся на родину, но ни семьей, ни детьми так и не обзавелся — по причине непреходящей бедности. О типичности такой ситуации говорит популярная в то время поговорка “У эдосца и на одну ночевку денег нет” (*эдокко ва ёигоси но дзэни ва мотанай*).

Уровень смертности в городах был выше, чем в сельской местности — прежде всего из-за худших санитарных условий и тесноты. При этом лечили в городе и в деревне одинаково скверно. В начале XVIII века, когда Эдо стал городом-миллионником, плотность населения в кварталах для простых горожан составляла более 50 тысяч человек на квадратный километр [Найто, 1966]. В таких условиях ничего не стоило подхватить корь, натуральную или ветряную оспу (три главные болезни-убийцы того времени).

Бродячий торговец храмовыми талисманами. Источник: ИС

Поэтому для многих выходцев из села жизнь в городе оказывалась недолгой.

Низкая рождаемость и высокая смертность в городах работали на сокращение городского населения и стимулировали приток новых людей. Эта тенденция сохранялась в Японии вплоть до начала XX века. Таким образом, на селе уменьшалось число рабочих рук, а в городах люди быстрее умирали и реже рожали детей, прирост населения сдерживался. Численность жителей Эдо к 1718 году достигла 534,6 тысячи (не считая полумиллиона самураев) и на этой отметке остановилась. В последующие полтора столетия, несмотря на огромную текучесть городского населения, его численность не менялась: в 1867 году в Эдо жило всего на 5 тысяч больше, чем в 1718 году [Минами, 1978].

В городах люди жили не так долго, как в деревнях, но зато быстрее и интенсивнее. В XVIII–XIX веках в городе Киото около 10 % семей ежегодно меняли место жительства. В Эдо эта цифра доходила до 16 %, то есть один раз

в год каждая шестая столичная семья переезжала на новое место. Главная причина высокой мобильности заключалась в том, что четверо из пятерых эдосцев не имели недвижимости и зарабатывали на жизнь чем придется.

Самурайское сословие, которое большую часть эпохи переписями не охватывалось, насчитывало около 1,5 миллиона человек (5–6 % населения страны). Примерно треть самураев (около 500 тысяч) постоянно находилась в столице, еще миллион трудился в провинциях. Таким образом, на каждое из примерно 260 княжеств, на которые тогда была разделена Япония, приходилось в среднем 4 тысячи самураев. Правда, княжества были разными. В известных воинскими традициями княжествах наподобие Сацума или Ёнэдзава самураи составляли 25–30 % населения.

Продолжительность жизни

Определяемая по храмовым регистрационным записям средняя продолжительность жизни японцев (как мужчин, так и женщин) в конце XVII — начале XVIII века составляла 35–40 лет. Сама по себе эта цифра мало о чем говорит. В течение всего периода Токугава на среднюю продолжительность жизни больше всего влиял уровень детской смертности, а она была огромной. Даже в начале эпохи Мэйдзи, в 1880 году, средняя продолжительность жизни японцев составляла 36 лет. Затем начался ее рост: в 1920 году — 42 года, в 1960 — 65 лет. К 1970 году Япония догнала западные страны: средняя продолжительность жизни превысила 70 лет [Явата, 2009]. Сегодня, как известно, японцы живут дольше всех в мире. Осенью 2010 года сошлись две священные для японцев восьмер-

ки: количество 80-летних (и старше) японцев превысило 8 миллионов.

Некоторое представление о продолжительности жизни в эпоху Токугава можно получить, ознакомившись с фамильными хрониками императоров и сёгунов. Большинство правителей доживало примерно до 50 лет. Годы жизни сёгунов хорошо известны, и простой подсчет показывает, что средняя продолжительность жизни пятнадцати сёгунов Токугава (1603-1867) равна 49,6 года. Для сравнения: у пятнадцати сёгунов Асикага (правили с 1338 по 1588 год) она составляет 42 года. Двое сёгунов Токугава, первый и пятнадцатый, прожили больше 70 лет, четверо — 60–70, четверо — 50–60, двое — 40–50. Двое умерло в молодости, и один (седьмой сёгун Иэцугу) — еще в детстве.

Что касается остального японского населения, то в конце XVII века семеро из ста человек жили дольше 60 лет. По тем временам это были глубокие старики. А через столетие, при нулевом приросте населения те, кому за шестьдесят, составляли уже около 12 % населения [Кито, 2010]. Это говорит о том, что в эпоху Токугава общая продолжительность жизни хотя и медленно, но все же росла. По некоторым данным, с конца XVI до конца XVII века в семьях высокоранговых самураев *хатамото** она увеличилась с 42 до 51 года [Ямамура, 1976].

При этом детская смертность оставалась стабильно высокой во всех сословиях и, судя по всему, не очень зависела от уровня жизни семьи. Например, одиннадцатый сёгун Токугава Иэнари (1773-1841) помимо законной жены имел около 40 официальных наложниц и в общей сложности

* *Хатамото* (букв. подзнаменные) — военачальники, исторические союзники Иэясу Токугава до 1600 года. После его прихода к власти составили ядро воинской элиты, получили земли и назначения на высокие должности. Все *хатамото* имели право личной аудиенции у сёгуна.

55 детей. Пятнадцать умерли на первом году жизни, шестеро — на втором, еще шестеро не дожили до совершеннолетия. Таким образом, выживаемость детей в аристократических семьях была не выше, чем в крестьянских.

Высокая детская смертность обусловила появление множества ритуалов, знаменующих этапы взросления ребенка. Первый — купание через три дня после рождения (*убую*). Второй — показ ребенка посторонним на седьмой день (*сития*). Третий ритуал — первое посещение синтоистского храма *миямаири* через 30 дней после рождения, четвертый — отъем ребенка от материнской груди через 100 дней (*куидзомэ*), и так далее. Затем отмечали достижение возраста одного года, трех, пяти и, наконец, заветных семи лет. В промежутках также отмечалось первое участие ребенка в праздничных мероприятиях годового цикла (*хацудзэку*). В общем, японцы проявляли здесь ту же внимательность к маленьким рубежам и достижениям, что и сегодня.

Умиляющие сегодня иностранцев возрастные детские праздники *сити-го-сан* (семь-пять-три), отмечаемые повсеместно, — наследие той эпохи. Прохождение каждого барьера на пути к совершеннолетию обязательно сопровождалось внесением какого-то небольшого, но видимого изменения в облик ребенка: смена детского пояса на взрослый (*обитоки*), смена прически (*камиоки*) и так далее. Давнее и универсальное японское правило: форма должна соответствовать содержанию, а внешний вид человека — его возрасту, внутреннему настрою и роду деятельности в данный момент.

Японцы знали, что при достижении 5-летнего возраста шансы ребенка достичь совершеннолетия резко увеличиваются. Окончательно в мир людей его принимали в семь лет, о чем говорит сохранившееся с тех времен

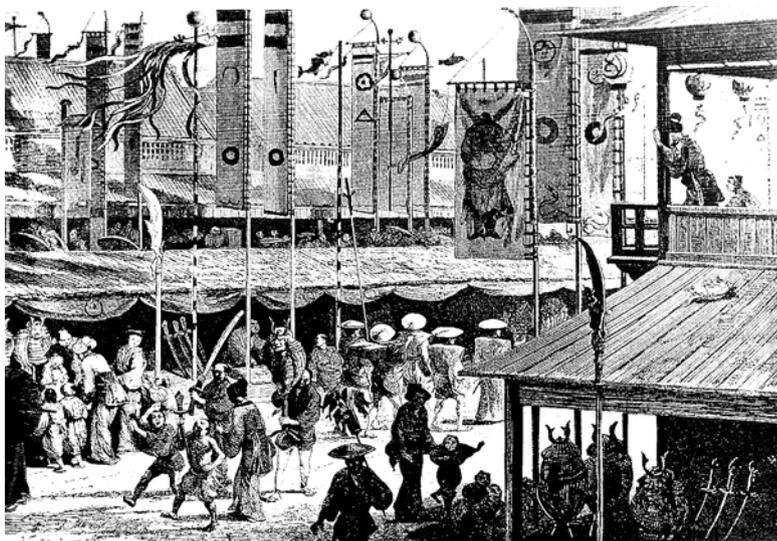
Первое посещение храма (миямаири). Источник: НА

устойчивое выражение “До семи лет — среди богов” (*на-насай мадэ ва ками но ути*). Возрастные ритуалы на этом, конечно, не заканчивались, поскольку умереть можно в любом возрасте. Совершеннолетия мальчики и девочки достигали в 13–15 лет (в разных сословиях по-разному). Ритуал и название мероприятия, соответственно, различались: *фундоси иваи* (для мальчиков простых сословий), *гэмпукэ* (для мальчиков воинского сословия), *юмодзи иваи* (для девочек).

К смерти японцы относятся и сегодня довольно просто, а в те времена и подавно относились как к обыденности. Отчасти этому способствовало буддийское учение о карме и переселении душ. Если человек родился, то это жившая когда-то душа пришла в этот мир в новом обличье. А если умер, то тоже не навсегда — при следующем рождении душа снова явится в мир людей, куда ей еще деваться? Поэтому детскую смерть переживали легко. Хоронить ребенка младше семи лет вообще не полагалось — не человек еще. Тело просто уносили подальше от живых и оставляли в укромном месте.

У взрослых также были свои рубежи и опасности. С незапамятных времен японцы верили в существование “несчастливых лет” (*якудоси*), когда человек подвергался наибольшей опасности тяжело заболеть или умереть. В эпоху Токугава опасными для мужчин рубежами считались 25, 42 и 61 год, а для женщин — 19, 33 и 37 лет. Каждый предшествующий и последующий *якудоси* год также требовал повышенного внимания и осторожности. С учетом *кадзоэдоси** от названных чисел нужно отнимать единицу, чтобы получить европейский возраст.

* *Кадзоэдоси* — система определения возраста, при которой срок беременности засчитывался ребенку за год жизни.

Пятое мая — праздник мальчиков. Источник: НА

Представления о “несчастливых годах” пришли в Японию вместе с китайским учением о *инь* и *ян* и вряд ли имеют научное объяснение. Во всяком случае сегодня они считаются в Японии предрассудками, хотя и могли основываться на каких-либо наблюдениях. Например, общеизвестно, что выход на пенсию является для человека, привыкшего к ежедневной работе, стрессом: это кардинально меняет его жизненный уклад, самооценку, самоощущение. Именно в 60 лет мужчины эпохи Токугава передавали дела старшим сыновьям и уходили на покой. В этом смысле критичность 61-летнего возраста не кажется совсем уж надуманной. Что касается женщин, то многие рожали первого ребенка в 19 лет — очевидно, что роды также были существенным риском. А в 33 года женщина выходила из детородного возраста и ее роль в семье и обществе резко менялась.